

Н. Лернеръ.

ЗАМѢТКИ О ПУШКИНѢ.

Отдѣльный оттискъ изъ изданія «Пушкинъ и его современники», вып. VII.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 л., № 12.

1908.

**Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Августъ 1908 г.**

Непремѣнный Секретарь, Академикъ С. Олденбургъ.

Замѣтки о Пушкинѣ.

I.

Арина Родіоновна и няня Дубровскаго.

Иногда приходится слышать замѣчаніе, съ перваго взгляда довольно справедливое, что во всеобъемлющей лирикѣ Пушкина, „генія все любившаго, все въ самомъ себѣ вмѣстившаго“, вовсе нѣтъ отраженія личнаго сыновняго чувства, любви дитяти къ матери. Дѣйствительно, судьба поставила Пушкина въ такія отношенія къ родителямъ, что любить свою мать всѣми силами сердца онъ не могъ. Отъ матери онъ не видѣлъ ласки: его дѣтскую головку часто прижимала къ своей груди и ласкала бабушка, Марія Алексѣевна Ганибалъ, а мать ему замѣнила Арина Родіоновна, которая научила его уважать русскую женщину, первая ввела его въ тотъ міръ, гдѣ онъ нашелъ Татьяну и Машу Мионову и связала его сердце съ народной душою. Ея вліяніе на ея питомца и друга было такъ велико, роль ея въ его жизни и творчествѣ такъ значительна, что Арина Родіоновна, право, стоитъ особаго очерка, котораго ждетъ — не дождется эта прекрасная русская женщина, усладившая своими рассказами полузаброшенное дѣтство геніальнаго мальчика, коротавшая съ нимъ долгіе вечера въ его деревенскомъ заточеніи,

любившая Пушкина и любимая имъ какъ мать. Онъ и звалъ ее „мамой“ („Журн. Мин. Нар. Просв.“, т. 103, стр. 145).

Арину Родіоновну мы находимъ въ нянѣ Татьяны и Ольги, въ княгининой мамкѣ („Русалка“), отчасти въ карлицѣ Ласточкѣ („Арапъ Петра Великаго“), въ нянѣ молодого Дубровскаго. Для Пушкина няня была не только нѣжной пѣстуньей, преданнымъ другомъ: въ ней онъ нашелъ истинно-національный типъ, который исчерпалъ до дна. Ея преданность и нѣжность такъ глубоко врѣзались въ его сердце, жаждавшее любви и ласки, что онъ запечатлѣлъ даже отдѣльныя проявленія любви своей няни, умилавшія его своей трогательной наивностью, и эти черты отразилъ въ своемъ творествѣ. Повторяю — объ Аринѣ Родіоновнѣ слѣдуетъ написать особую статью, и, чтобы отъ изслѣдователя не ускользнула очень интересная подробность, хочу посвятить нѣсколько строкъ одной „няниной реминисценціи“, если можно такъ выразиться, въ пушкинской прозѣ.

П. В. Анненковъ въ своихъ „Матеріалахъ для біографіи Пушкина“ (изд. 2-ое, С.-Пб. 1873, стр. 4) цитируетъ письмо Арины Родіоновны къ поэту: „Любезный мой другъ Александръ Сергѣевичъ! Я получила письмо и деньги, которыя вы мнѣ прислали. За всѣ ваши милости я вамъ всѣмъ сердцемъ благодарна; вы у меня безпрестанно въ сердцѣ и на умѣ, и только когда засну, забуду васъ. *Прійѣжай, мой ангелъ, къ намъ въ Михайловское — всѣхъ лошадей на дорогу выставлю.* Я васъ буду ожидать и молить Бога, чтобы онъ далъ намъ свидѣться. Прощай, мой батюшко Александръ Сергѣевичъ. За ваше здоровье я просвиру вынула и молебень отслужила — *поживи, дружокъ, хорошенечко, самому слобится.* Я, слава Богу, здорова — *цѣлую ваши ручки и остаюсь васъ многолюбящая няня ваша Арина Родіоновна*“. Письмо помѣчено

Тригорскимъ, 6 марта, вѣроятно, 1827 г.; Анненковъ его напечаталъ не цѣликомъ; полностью оно появилось во II томѣ Академическаго изданія переписки поэта. Переводъ напечатаннаго Анненковымъ отрывка изъ этого письма помѣстилъ С. Arps въ своей статьѣ „Eine Freundin Puschkins“ („Das Magazin für die Litteratur des In- und Auslandes“, Wochenschrift der Weltlitteratur, 1889, 23 Februar, № 9, Dresden, s. s. 137—138), отнеся письмо къ 1826 году. Въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ 1895 г., № 12, стр. 335, есть библиографическое указаніе на эту статью, но по ошибкѣ авторъ ея названъ К. Arper'омъ, а письмо сочтено „неизвѣстнымъ въ Россіи“.

Въ третьей главѣ „Дубровскаго“ герой получаетъ отъ своей старой няньки слѣдующее письмо: „Государь ты нашъ Владимиръ Андреевичъ, я, твоя старая нянька, осмѣлюсь тебѣ доложить о здоровьѣ папенькиномъ. Онъ очень плохъ, иногда заговаривается и весь день сидитъ какъ дитя глупое, — а *въ животъ и смерти Богъ воленъ, — прѣзжай ты къ намъ, соколикъ мой ясный, мы тебѣ и лошадей вышлемъ на Песочное*. Слышно, земскій судъ къ намъ ѣдетъ, отдать насъ подъ началъ Кирилу Петровичу Троекурову — потому что мы-дескать ихніе, а мы искони ваши — и отъ роду того не слыхивали. Ты бы могъ, живя въ Петербургѣ, доложить о томъ Царю-Батюшкѣ, а онъ бы не далъ насъ въ обиду. Остаюсь твоя вѣрная раба нянька *Арина Егоровна Бузырева*“¹⁾.

Сходство между обоими приведенными письмами бросается въ глаза сразу. Оно не ограничивается однимъ общимъ тономъ, выражающимъ сердечную любовь и привязанность престарѣлой пѣстуны къ питомцу, однимъ и тѣмъ же языкомъ, удивительно народнымъ и живымъ, изъ родника котораго зачерпнулъ столько

1) Курсивъ принадлежитъ намъ.

прелести нашъ великій мастеръ слова, — но идетъ дальше и доходитъ до общихъ выраженій. Въ обоихъ письмахъ народныя присловья: „поживи, дружочекъ, хо-рошенечко — самому слюбится“, говоритъ совершенно эпически Арина Родіоновна, радуясь освобожденію своего любимца и друга изъ ссылки и, можетъ быть, полушутливо, полунѣжно намекая на дошедшіе до нея слухи о намѣреніи Пушкина жениться; „въ животѣ и смерти Богъ воленъ“, утѣшаетъ Дубровскаго народной пословицей Арина Егоровна, сообщая ему грустныя вѣсти изъ родительскаго дома. Арина Родіоновна зоветъ Пушкина: „мой ангелъ“, „дружочекъ“; Арина Егоровна называетъ Дубровскаго: „соколикъ мой ясный“. Арина Родіоновна сбивается съ „ты“, какъ она всегда, конечно, обращалась къ Пушкину, на „вы“, видя въ Пушкинѣ не только своего „любезнаго друга“, но и барина; Арина Егоровна пишетъ своему „ясному соколику“: „государь ты нашъ“ и подписывается не только нянькой, но и „вѣрной рабой“. И та и другая хотятъ какъ можно скорѣе обнять своего друга и господина: „всѣхъ лошадей на дорогу выставлю“, обѣщаетъ Арина Родіоновна; „мы тебѣ и лошадей вышлемъ на Песочное“, пишетъ Арина Егоровна. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ слишкомъ очевидна общность выраженій. П. В. Анненковъ („Матеріалы“, стр. 3) рассказываетъ, что въ нянѣ Пушкина, „типическомъ и благороднѣйшемъ лицѣ русскаго міра“, соединялись „добродушіе и ворчливость“. Когда больной старикъ Дубровскій черезъ силу встаетъ съ постели навстрѣчу пріѣхавшему изъ столицы сыну, Арина Егоровна нападаетъ на своего стараго барина: „зачѣмъ ты всталъ съ постели? на ногахъ не стоитъ, а туда же норовить, куда и люди“. То же добродушіе, та же сердечная заботливость, та же ворчливость, за которой скрывается доброта.

Не будетъ особенной психологической натяжкой

предположить, что въ умѣ Пушкина, когда онъ писалъ слова Арины Егоровны, носилось письмо Арины Родіоновны, мелькали ея милыя, ласковыя строки, и, быть можетъ, даже не думавъ воспроизвести выраженія Арины Родіоновны, но повинувась невольной, имъ самимъ не сознаваемой реминисценціи, онъ вложилъ въ уста няни Дубровскаго теплыя, нѣжныя слова своей „дряхлой голубки“.

По поводу вызвавшего настоящую замѣтку письма Арины Родіоновны профессоръ Н. Θ. Сумцовъ („Харьковскій университетскій сборникъ въ память А. С. Пушкина“, Харьковъ, 1900 г., стр. 115) замѣчаетъ, что „по полученіи этого письма“ Пушкинъ написалъ стихотвореніе: „Подруга дней моихъ суровыхъ...“

Мнѣніе г. Сумцова бездоказательно. П. О. Морозовъ („Сочиненія и письма А. С. Пушкина“, изд. товарищества „Просвѣщеніе“, т. II, С.-Пб. 1903, стр. 424) тоже говоритъ, что этотъ набросокъ „повидимому, служить отвѣтомъ“ на напечатанное Анненковымъ письмо няни. Надо думать, что оба комментатора неправильно поняли слова Анненкова (l. c.): „какимъ чуднымъ отвѣтомъ на это письмо служить неизданный отрывокъ Пушкина, который мы здѣсь приводимъ: „Подруга дней моихъ суровыхъ...“ и т. д. Анненковъ совершенно справедливо указываетъ на гармоническое духовное созвучіе между письмомъ Арины Родіоновны и стихотвореніемъ Пушкина о ней, но изъ этого еще нельзя заключить, какъ дѣлають гг. Сумцовъ и Морозовъ, что письмомъ няни были вызваны поэтическія строки о „дряхлой голубкѣ“ поэта. Какъ будто Пушкинъ не могъ думать о своей нянѣ и помимо этого письма и, зная ея любовь къ нему, изобразить съ такой красотою и нѣжностью ожиданіе и замирающую тоску ея вѣрнаго сердца...

II.

Изъ отношеній Пушкина и Ѳ. Н. Глинки.

Въ „Литературномъ Вѣстникѣ“ 1904 г., кн. 1, стр. 3, было помѣщено письмо Пушкина къ Ѳ. Н. Глинкѣ. Пушкинъ извѣщаетъ Глинку о предполагаемомъ изданіи послѣднихъ „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“ въ память барона А. А. Дельвига, проситъ Глинку дать стихи для альманаха и, между прочимъ, намекаетъ на бывшее, очевидно, между обоими поэтами временное охлажденіе: „говорятъ, будто вы на меня сердиты; это не резонъ“. Письмо не носитъ даты.

Когда оно написано? П. И. Бартепневъ напечаталъ въ „Бумагахъ А. С. Пушкина“, I, М., 1881, стр. 33, письмо Ѳ. Н. Глинки къ Пушкину изъ Твери, датированное 28-мъ ноября 1831 г. „Весело было мнѣ“ — писалъ Глинка — „взглянуть на почеркъ руки вашей; спасибо сплетникамъ за доставленное мнѣ удовольствіе читать строки ваши. Но я долго думалъ и не могъ додуматься, изъ чего бы можно было вывести, что *якобы я на васъ сердитъ?!..* Смѣю увѣрить, что я васъ любилъ, люблю и (сколько за *будущее* ручаться можно) любить не перестану. Многіе любятъ вашъ талантъ, я любилъ и люблю въ васъ — всего васъ. Въ первый разъ изъ письма вашего узнаю, что альманахъ составляется *въ пользу или въ память Дельвига*, милаго, добраго Дельвига!“¹⁾. Далѣе Глинка пишетъ, что посылаетъ стихи для альманаха. Словомъ, письма вполне соотвѣтствуютъ другъ другу; въ началѣ же своего письма Глинка говоритъ: „вчера имѣлъ я честь получить письмо Ваше отъ 21-го ноября“. Значитъ, напечатанное въ 1904 году въ „Литературномъ Вѣст-

1) Курсивъ — Глинки.

никъ“ письмо Пушкина слѣдуетъ датировать 21-мъ ноября 1831 г. Въ первомъ изданіи моей работы, посвященной пушкинской хронологіи: „Труды и дни Пушкина“, М., 1903, стр. 88, я писалъ въ примѣчаніи къ датѣ отвѣтнаго письма Глинки, что письмо, на которое отвѣчаетъ Глинка, неизвѣстно. „Литературный Вѣстникъ“ исполнилъ этотъ пробѣлъ, опубликовавъ письмо Пушкина. Дѣйствительно на письмѣ оказалась дата: „21 N.“, какъ видно изъ академическаго изданія переписки Пушкина (II, стр. 344).

Письма эти свидѣтельствуютъ о чрезвычайномъ благодушіи Глинки, одной изъ лучшихъ сторонъ характера этого человѣка, котораго Пушкинъ справедливо цѣнилъ и очень высоко ставилъ, называя его „великодушнымъ гражданиномъ“, „Аристидомъ“; отправляя свои стихи къ Глинкѣ (1822 г.) брату Льву Сергѣевичу, Пушкинъ писалъ: „покажи ихъ Глинкѣ, обними его за меня и скажи ему, что онъ все-таки почтеннѣйшій человѣкъ здѣшняго міра“. Эти стихи „полюбились Глинкѣ“, какъ сообщилъ ему братъ (см. письмо Пушкина къ брату отъ 30 января 1823 г.). Еще раньше, 27 іюня 1821 г., Пушкинъ поручалъ Льву Сергѣевичу: „обними его [Глинку] братски, скажи ему, что онъ славная душа, и что я люблю его какъ должно“.

Глинка оставилъ добрый слѣдъ въ жизни Пушкина. „Съ самаго выпуска его изъ Лицея“ — писалъ онъ впоследствии („Русск. Арх.“ 1866 г., стр. 917—918) — „я очень его любилъ, какъ Пушкина и уважалъ, какъ въ высшей степени талантливаго поэта. Кажется, и онъ это чувствовалъ и потому позволялъ мнѣ говорить ему прямо на прямо насчетъ тогдашней его разгульной жизни. Мнѣ даже удалось отвести его отъ одной дуэли“ (Пушкинъ, вѣрно, вспомнилъ о степенныхъ совѣтахъ Глинки, когда писалъ, что онъ „мужъ удаляйся отъ всякія скверны“).

Когда, весною 1820 г., съ Пушкинымъ стряслась бѣда изъ-за его „вольныхъ“ стиховъ, Глинка, который былъ „употребляемъ для производства изслѣдованій по предметамъ, заключающимъ въ себѣ вѣрность и тайну“, замолвилъ за него словечко петербургскому генералъ-губернатору графу М. А. Милорадовичу, при которомъ состоялъ по особымъ порученіямъ, а когда Пушкинъ былъ высланъ на югъ, Глинка напечаталъ въ „Сынѣ Отечества“ 1820 г. (сентябрь) свое посланіе „Къ Пушкину“. Впослѣдствіи самъ Глинка очутился въ изгнаніи (изъ-за декабрьскаго дѣла), и Пушкинъ, въ свою очередь, хлопоталъ объ улучшеніи его участи, за что Глинка благодарилъ его въ письмѣ 28 іюля 1831 г. („Бумаги Пушкина“, I, М., 1881, стр. 32).

Но страсть Пушкина къ шуткѣ брала свое. 25 января 1825 г. онъ посылаетъ князю П. А. Вяземскому забавную эпиграмму на „нашего друга Глаголя“, въ которой называетъ его „кутейникомъ въ эполетахъ“, „дьячкомъ“, „ижицей въ поэтахъ“; правда, при этомъ онъ проситъ Вяземскаго: „не выдавай меня, милый: Глаголь бо другъ сердца моего, мужъ благъ, незлобивъ, удаляйся отъ всякія скверны“. Можетъ быть, Вяземскій не выдалъ Пушкина, но поэтъ впослѣдствіи снова посмѣялся надъ Глинкой, — помѣстивъ его въ своемъ „Собраніи насѣкомыхъ“ и зарегистрировавъ „Божіей коровкой“, намекая на піэтизмъ Глинки¹⁾; эпиграмма эта появилась въ „Подснѣжникѣ“ 1830 г., стр. 18, и ужъ, конечно, не могла не дойти до Глинки, и онъ имѣлъ право сердиться на Пушкина. Но этимъ правомъ Глинка не воспользовался; онъ понималъ настоящее отношеніе Пушкина къ нему, выра-

1) Щербина въ своемъ „Сонникѣ современной русской литературы“ писалъ, что „Глинку во снѣ увидѣтъ предвѣщастъ увидѣтъ наяву малевкій ходячій или движущійся иконостасикъ“ (Имп. Публ. Библ., рукописи Н. Ѳ. Щербины, тетр. 6-ая).

жившееся не въ эпиграммахъ, а въ посланіи къ благородному „Аристиду“, и не былъ подобенъ тѣмъ мелочнымъ натурамъ, которыя были способны мстить великому поэту за случайно сорвавшуюся съ пера эпиграмму или за острое словцо. Въ словахъ Пушкина: „говорятъ, будто вы на меня сердиты, это не резонъ“ сквозитъ что-то въ родѣ извиненія, а отвѣтъ Глинки свидѣтельствуетъ о его умѣ и добротѣ. Эти свойства вполнѣ сказались въ его слабыхъ въ эстетическомъ отношеніи, но теплыхъ стихахъ на смерть поэта¹⁾.

III.

По поводу отношеній Пушкина къ графинѣ Е. К. Воронцовой. (Догадна).

Однимъ изъ самыхъ недоумѣнныхъ вопросовъ въ біографіи Пушкина и исторіи его лирики являются его отношенія къ графинѣ Елизаветѣ Ксаверіевнѣ Воронцовой. Легенда относитъ къ ней стихотворенія „Сожженное письмо“, „Ангель“ и „Талисманъ“ и передаетъ извѣстіе объ интимныхъ отношеніяхъ молодого поэта къ женѣ своего одесскаго начальника. До насъ дошли глухія, полутемныя вѣсти — и ничего положительнаго. Для разработки этого вопроса необходимо разыскать документальныя данныя, еще не являвшіяся въ печати, а также изслѣдовать матеріалы, уже попавшіе въ печать. Указаніе на одно не лишнее значенія для рѣшенія этого вопроса сообщеніе современника Пушкина мы черпаемъ изъ рѣчи покойнаго профессора Новороссійскаго университета В. А. Яковлева: „Значеніе нашего края²⁾ въ жизни и

1) „Воспоминаніе о пиитической жизни Пушкина“ — „Библіотека для чтенія“ 1837 г., XXI, 85—91; были и отд. оттиски.

2) Юга Россіи.

дѣятельности А. С. Пушкина“, Одесса. 1887, стр. 15—16. „По нѣкоторымъ даннымъ“ — говоритъ Яковлевъ — „можно судить, что графиня Воронцова относилась къ поэту благосклоннѣе [графа]; въ этомъ насъ еще болѣе убѣждаетъ письмо домашняго секретаря графа, Щербинина¹⁾, написанное по поводу смерти Пушкина и еще не напечатанное“. Письмо это было извѣстно Яковлеву, но кромѣ его указанія мы нигдѣ не встрѣтили упоминающаго объ этомъ письмѣ.

Въ томъ же 1887 г. въ „Русской Старинѣ“ (апрѣль, 160) появилось письмо М. П. Щербинина, гдѣ говорится о Пушкинѣ и графинѣ Е. К. Воронцовой въ связи со смертью поэта. Трагическая кончина Пушкина вызвала въ Одессѣ, гдѣ многіе его знали и любили, взрывъ всеобщей скорби. 12 февраля 1837 г. въ „Journal d'Odessa“ появилась замѣтка о смерти Пушкина. Это — немногословная, маленькая статейка, содержащая вѣрную оцѣнку понесенной Россіей потери и написанная съ глубокой, благоговѣйной скорбью. Въ пору всеобщаго рабскаго молчанія русской печати, когда А. А. Краевскій потерпѣлъ немало непріятностей за то, что назвалъ Пушкина въ некрологѣ „солнцемъ русской поэзіи“, статейка, помѣщенная во французскомъ журналѣ, не могла не обратиться на себя вниманіе. Она такъ восхитила одесское общество, во главѣ съ супругами Воронцовыми, что графиня поручила въ тотъ же день секретарю графа — М. П. Щербинину написать А. Г. Тройницкому, редактору другой тогдашней одесской газеты, „Одесскій Вѣстникъ“, письмо, въ которомъ заключалась косвенная просьба перепечатать въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“ замѣтку „Journal

1) Михайлъ Павловичъ Щербининъ (1807 † 1881), впоследствии сенаторъ и начальникъ Главнаго управленія по дѣламъ печати; онъ оставилъ „Воспоминанія“ („Русск. Арх.“ 1876 г., III; отдѣльное изданіе 1877 г.) и біографію свѣтл. князя М. С. Воронцова.

d'Odessa“. Статя эта, писалъ Щербининъ, „была принята всѣми, а въ особенности графинею Воронцовою, съ восхищеніемъ. Такъ какъ, вѣроятно, она же, т.-е. статья сія, будетъ помѣщена и въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“, то я спѣшу повергнуть предъ вами мысль, родившуюся у графини Елизаветы Ксаверіевны, т.-е., что большая часть стихотвореній Пушкина созданы были въ Одессѣ, во время его здѣсь пребыванія. Мысль сія достойна быть обработанною. Впрочемъ, Богъ знаетъ, что скажутъ въ Петербургѣ“... Статя „Journal d'Odessa“ перепечатана не была, а вмѣсто нея въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“, 13 фѣвраля, № 13, былъ помѣщенъ глубоко - прочувствованный некрологъ, написанный братомъ редактора, Николаемъ Григорьевичемъ Тройницкимъ.

Б. Л. Модзалевскій, разыскивавшій оставшіяся послѣ М. П. Щербинина бумаги и спрашивавшій его родныхъ, не нашелъ никакого неизданнаго письма съ упоминаніемъ о Воронцовой и Пушкинѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что опубликованное въ „Русской Старинѣ“ письмо Щербинина и есть то самое, о которомъ говорилъ въ своей рѣчи В. А. Яковлевъ, но ни о какой благосклонности къ поэту оно не свидѣтельствуетъ, а доказываетъ скорѣе плохое знакомство графини съ произведеніями Пушкина.

Н. Лернеръ.